

ГЛАВА 1

Тот день ничем не радовал. Несмотря на заканчивавшийся март, за окном было серо и сумрачно, температура резко пошла на понижение, и снег, казалось бы, сошедший на нет, вдруг возобновился. Начальник Главного управления генерал-лейтенант Орлов с утра устроил длинную планерку, сообщив о грядущей проверке, в преддверии которой на всякий случай устроил разнос абсолютно всем своим подчиненным — начиная от «зеленых» сержантов и заканчивая операми-«важняками», к коим относились даже такие зубры уголовного сыска, как полковники Гуров и Крячко.

Когда генерал-лейтенант наконец немного успокоился и закончил планерку, он отправил всех «приводить дела в порядок», что оказалось весьма многогранным поручением. Сержантов и прочих тупо отправили убирать территорию — как вокруг главка, так и внутри. Тех, кто постарше возрастом и званием,

Орлов засадил «подчищать» дела — приводить их в состояние готовности для передачи в суд. Гуров и Крячко гадали, какая же миссия выпадет на их долю. Каждый в душе надеялся, что уж для своих любимцев генерал-лейтенант припасет непосредственное раскрытие дела, то есть взятие злодея с поличным. При этом, как фокусник, вытащит этого самого злодея, как туза из рукава, и Гурову с Крячко останется только взять его «тепленьким», предъявив услужливо представленную тем же Орловым доказательную базу.

Увы, генерал-лейтенант не был настроен на столь щедрые подарки. Гурову с Крячко он велел рассортировать все дела с начала года, и те из них, что можно закрыть, как можно скорее «довести до ума», даже если для этого придется немного «подкорректировать» показания свидетелей, а для этого «интенсивно с ними поработать»... Дела же, прочно застрявшие в «висяках», по возможности вытянуть и перевести в разряд «находящихся в процессе раскрытия». Таким образом Петр Николаевич существенно увеличивал статистические показатели раскрываемости по главку.

Гуров с Крячко сделали, что могли, благо дел с начала года было немного. Пока «низы» драили туалеты, сбивали уцелевшие сосульки с крыш и протирали пыльные шкафы, «вер-

хи», вооружившись авторучками и напрягая мозговые извилины, старательно переписывали документы, составляя по каждому из них подробный отчет.

Особенно страдал от подобного занятия Станислав Крячко — человек, категорически не водивший дружбу ни с пером, ни с бумагой. Стилистика тоже не являлась коньком Крячко. Единственное, что имелось у него для такой работы, — это извилины, но и они были направлены у Крячко совсем в другую сторону. Поэтому за день он извелся сам, извел гору бумаги, а также своего друга Льва Гурова, к которому постоянно апеллировал то с жалобами на начальство, то с просьбой помочь составить «хотя бы одну, последнюю несчастную бумажонку».

Гуров, которому в течение всего дня приходилось составлять собственные бесконечные отчеты, чертыхался и отказывался, но Крячко так наседал, что проще было помочь и отвязаться, что полковник и делал. В итоге он, по сути, проводил двойную работу, и за себя, и за Крячко, так что, когда Станислав в шесть часов вечера заявил, что его рабочий день окончен, махнул рукой и был только рад, что его напарник убыл.

Сам же Гуров задержался в кабинете до полуночи. Генерал-лейтенант Орлов пару раз

заглянул, поинтересовался, почему это Лев сидит в одиночестве, и даже хотел позвонить Крячко и в приказном порядке потребовать его возвращения, но полковник сквозь зубы отказывался, а когда Орлов попытался зайти в кабинет в третий раз, выразительно и четко попросил генерал-лейтенанта отправиться... в общем, оставить его в покое. Орлов проявил благоразумие и больше Гурова не трогал.

Около полуночи полковник откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Справа от него высилась стопка перелопаченных документов, которые в результате его кропотливой работы не только соответствовали критериям Орлова, но и превосходили их.

Он потер виски. Тупо ныла голова, шею ломило от непрерывного сидения в одном положении, и ему хотелось лишь поскорее покинуть стены Главного управления МВД и оказаться дома, перед телевизором, который он вообще-то почти не смотрел, с чашкой крепкого чая и ужином, приготовленным женой Марией. У нее как раз должен был быть свободный вечер, так как сегодняшней спектакль выпускали вторым составом и вместо нее играла дублерша. Мария служила в театре и была одной из ведущих актрис. Из-за этого обстоятельства она редко бывала дома по вечерам, а еще реже им с мужем удавалось

совместить выходные. И вот как раз сегодня можно было это сделать, но тут Орлов со своей грозящей проверкой вмешался и испортил Гурову семейный вечер.

Решив спасти хотя бы его остаток, полковник решительно снял с вешалки пальто, запер кабинет и вышел на улицу. К ночи поднялся ветер и выпал мокрый снег. Гуров, втянув непокрытую голову в плечи, почти бегом добежал до своей машины, сел за руль и сразу включил печку.

«Вот тебе и весна! — подумал он. — Хотя, впрочем, еще рано делать прогнозы».

Полковник март не любил. Он любил весну позднюю, уже отшумевшую ручьями, отгалдевшую гомоном птиц, ошалевших от солнечного света, отлившую холодными дождями. Любил спокойный теплый май, благоухание первых цветов и прохладные светлые ночи.

Но сейчас до этого благодатного времени было еще далеко, месяца полтора, и погода за окном мало походила на всплывшую в сознании Гурова живописную картинку. А ведь еще неделю назад казалось, что весна обосновалась в столице всерьез и надолго: солнце не только растопило слежавшийся снег, но и высушило образовавшиеся лужи, температура поднялась до плюс десяти, и многие москвичи поспешили сменить надоевшие тяжелые зим-

ние куртки, пуховики и шубы на легкие пальто и даже плащи. Но зима напоследок взяла свое: в один миг температура упала ниже нуля, задул противный ветер, вихрем пронеслась метель, осыпая город комьями нового снега, неумолимо превращающегося в сугробы...

Морозы стояли несколько дней, потом снова все начало таять, но настоящее тепло так и не наступило. Столбик термометра болтался около нулевой отметки, и то, что подморозило за ночь, к утру снова расквашивалось.

Самым обидным было то, что Гуров, поддавшись всеобщей эйфории, еще в середине марта сменил зимнюю резину на летнюю и сейчас явственно ощущал, как поспешил. Он вспоминал собственные насмешки над Станиславом Крячко, которого, как обычно, «жаба душила», и он протянул с заменой как раз на зимнюю резину, сделав это только под конец января, а до этого предпочитая пользоваться машиной как можно реже, и сейчас остро завидовал Стасу. Да, на сей раз Крячко оказался предусмотрительнее... Но что сделано, то сделано, и Гурову оставалось лишь нажать педаль газа и направить автомобиль по мокрому асфальту в сторону Садового кольца.

Он ехал и старался утешать себя чем-нибудь приятным — например, мыслью о горячем ужине, а также о том, что в его задержке

на службе есть определенный плюс: улицы к ночи уже поредели, и ехать было довольно свободно. Это куда лучше, чем в семь часов вечера стоять намертво зажатым в жуткой пробке, двигаясь в «час по чайной ложке». Гуров иногда даже специально задерживался на работе, чтобы пересидеть этот период. Станислав Крячко в таких случаях поступал просто: либо ездил на метро, либо вообще ходил пешком, считая, что восемь кварталов — это всего ничего и что, протопав их на «своих двоих», он окажется дома куда раньше, чем если бы добирался на автомобиле. В рассуждениях Крячко был определенный смысл, но Гуров никак не мог переступить через себя и ехать на метро. Отнюдь не потому, что он был таким уж снобом, просто сама мысль остаться в течение рабочего дня без машины приводила его в панику.

Крячко же подобные вопросы никогда не смущали, на случай острой необходимости у него были припасены разные варианты, как то: воспользоваться служебной машиной, а если повезет, то и с водителем, тормознуть первого попавшегося частника и, сунув ему в лицо удостоверение, потребовать довезти до нужного места, на крайний случай — вызвать такси, с дальнейшим требованием к генерал-лейтенанту Орлову возместить ему личные

материальные затраты. Впрочем, Крячко вполне мог, ничуть не смущаясь, не заплатить и таксисту, вместо денег сердечно пожав ему руку и поблагодарив за тесное сотрудничество с правоохранительными органами...

Гуров ехал довольно быстро, останавливаясь лишь на светофорах, — хотелось поскорее попасть домой, и дорога вполне это позволяла. За его спиной замаячил темный джип, двигавшийся как-то нервно. Он постоянно повышал скорость, норовя подрезать автомобиль Гурова, но в последний момент тормозил и оставлял свои попытки. Это ерзанье немного раздражало полковника, и он бы с удовольствием пропустил джип вперед, но к этому моменту выехал на довольно узкую улицу с двусторонним движением, и двоим им было не разойтись.

Остановившись на одном из перекрестков, он ждал переключения сигнала на зеленый, однако, едва светофор мигнул желтым как стоявший сзади джип вдруг резко дернулся вперед. Гуров едва успел крутануть руль влево, и рванувшая вперед машина чиркнула по бамперу. Он выругался и остановился. Джип тоже затормозил, взвизгнув шинами, из открывшейся двери показалось озабоченное лицо водителя:

Н. Леонов, А. Макеев

■ — Вы нормально?

Гуров не ответил. Выйдя из машины, он осматривал нанесенные ей повреждения. По счастью, они оказались не слишком существенными: о лихачестве водителя джипа напоминала лишь темная полоса на светлом бампере.

— Простите, ради бога! — торопливо подошел к нему высокий крупный мужчина в развевающемся на ветру распахнутом плаще, без головного убора. Густые волосы тоже трепал ветер, но мужчина не обращал на это никакого внимания, поглощенный произошедшим эпизодом. — Ей-богу, не нарочно! Просто тороплюсь. Давайте решим все мирно, без полиции. Я вам все компенсирую, не волнуйтесь! — И он полез в карман плаща.

Гуров почувствовал исходящий от него запах алкоголя и, нахмурившись, резко спросил:

— Вы что, пили за рулем?

— Совсем чуть-чуть, — слегка улыбнулся краем рта мужчина. — Один бокал вина, за компанию. С приятелем встречался, и... — Он виновато развел руками. — Сколько я вам должен?

Гуров в задумчивости кусал губу. Мужчина достал из кармана бумажник, вытащил из него две пятитысячные купюры и вопросительно посмотрел на полковника. «Хватит?» — вопрошал его взгляд.

Однако Гуров размышлял совсем не над этим. Он думал, сообщать ли знакомым дэ-пээсникам об этом инциденте или все-таки отпустить мужика восвояси.

— И часто вы за руль садитесь после приема алкоголя? — спросил он.

— Нет, ну, что вы! Говорю же, случайно получилось! Больше запаха, чем алкоголя.

— Мне не понравилось, как вы вели машину, — покачал головой полковник. — Нервничали, суетились...

— Да это я просто под впечатлением от разговора. У приятеля проблемы образовались, вот и...

Гуров внимательно посмотрел мужчине в лицо. Глаза его были трезвыми, зрачки абсолютно нормальными, речь твердая, поведение адекватное...

— Вам куда ехать?

— Да я почти приехал! Вон за тем углом мой дом, — показал рукой мужчина.

— Ладно, ежайте, — выдохнул Лев, ему самому совсем не с руки было возиться с этим мужчиной, дожидаться приезда ДПС и объясняться с ними. — Только не пейте больше за рулем. В следующий раз я не буду столь лоялен.

— Договорились! — Мужчина подмигнул ему и снова спросил: — Так сколько я вам должен?

Гуров махнул рукой, вернулся к своей машине и, обогнув джип, поехал дальше.

— Спасибо! — донеслось ему вслед.

Лев даже не обернулся, так хотелось поскорее добраться домой. Припарковав машину, он быстро поднялся на лифте к себе и открыл дверь. В квартире было темно. Решив, что Мария уже спит, он осторожно разулся и прошел на кухню. По очереди открывая крышки кастрюль, убедился, что все они почти пусты. Затем открыл холодильник — ничего нового за сегодняшний день в нем не появилось, Лев почувствовал себя несколько разочарованным. Нет, приготовить ужин он и сам был в состоянии. Его, во-первых, расстроило отсутствие дома жены, что лишало остатков надежды на совместный вечер, а во-вторых, охватило легкое недоумение — где она может быть?

Гуров поставил на плиту сковородку, нарезал ветчину и аккуратно, по очереди, разбил сверху три яйца. Потянувшись левой рукой, достал телефон и стал набирать номер жены. Вдруг со стороны прихожей послышалось звяканье ключей.

— Ой, как вкусно пахнет! Гуров! Ты готовишь ужин? Ну, какой же ты молодец! Я такая голодная! — раздался голос Марии.

Он быстро убрал телефон, разбил в сковородку еще три яйца и шутливо спросил:

— Ты лучше скажи, где в то время, когда образцовый муж готовит ужин, бродит его блудная жена?

— Я в театре была, — войдя в кухню, сообщила Мария и присела на табурет.

— В театре? — удивился Гуров. — Сегодня же второй состав играет? Или дублерша заболела? Эпидемия гриппа вроде бы прошла уже, и даже почти без смертельных исходов...

— Нет, нет, никто не заболел и не умер, не переживай! — Мария подтянула к себе мисочку с сухариками, двумя пальцами стала их выуживать и по одному отправлять в рот. — Просто мне позвонила одна давняя знакомая, хотела прийти на спектакль... Я ответила, что сегодня не играю, тогда она предложила встретиться просто так.

— Зачем? — поднял брови Гуров.

— Просто так, — повторила Мария и развела руками: — Знаешь, мне показалось, что она просто ищет повод. У нее неприятности, и ей хотелось с кем-то поделиться. Одним словом, я поехала в театр, мы посмотрели спектакль, потом поговорили, потом был небольшой банкет... В общем, вот так и получилось, что я свой свободный вечер провела в театре!

— Ясно, — вздохнул Лев. — И хотел бы сказать с упреком, что ждал тебя весь вечер дома, да привычка говорить правду не дает.

— Гуров! — Мария снисходительно посмотрела на него. — Ты думаешь, я не поняла, что ты весь вечер проторчал в своем главке? Если бы ты был дома, то уже давно бы позвонил. А так ты чувствовал себя виноватым и сам не хотел слушать мои упреки!

— Ух ты, мой Пинкертон! — засмеялся он. — Тебя бы к нам в главк, следователям помогать!

— Нет уж, увольте! — подняла руки Мария. — Мне и в театре неплохо.

— Ну ладно, давай хоть поужинаем вместе. — Гуров принялся раскладывать приготовленную яичницу по тарелкам. — А тебя что, на банкете не покормили?

— Гуров! — с изумлением посмотрела на мужа Мария. — Ты что, меня подозреваешь в чем-то?

— Машенька, если бы я подозревал, то не стал бы так открыто это демонстрировать, — усмехнулся Лев.

— Нет уж, давай я объясню! На банкете я больше слушала рассказы Маргариты о ее неприятностях. У нее муж завел любовницу. Представляешь?

— И только-то? Это все неприятности?

— А ты считаешь, этого мало? Причем ладно бы какая-то мимолетная связь, но он перешел все границы. Поселил эту девицу в

съемной квартире, регулярно навещает... И, главное, они прожили вместе двадцать лет, у них трое взрослых детей. Точнее, двое ее, а третий общий. То есть третья дочка.

— Обычная история, — заметил Гуров, которому все это было не слишком интересно. — Нагуляется и вернется.

Мария иногда делилась с ним рассказами о всяких перипетиях личной жизни коллег — театр был насыщенным на такие события местом, — но обычно мимоходом. А тут вообще не коллега, а какая-то знакомая, о которой Гуров раньше и не слышал.

— Вот и я ей то же самое сказала, — продолжала тем временем жена. — Нагуляется и вернется. Скорее всего он сам надоеет этой девице, та найдет кого-нибудь помоложе, а Алексей, поджав хвост, вернется к законной супруге. Тем более что он все эти годы относился к ней более чем хорошо. Сразу было видно — любовь! — вздохнула она.

— На тебя весна, что ли, так действует? — с удивлением посмотрел на нее Гуров. — Ты обычно не склонна к романтическим воздыханиям. И откуда ты, кстати, знаешь подробности их отношений?

— Так я сама наблюдала! Мы же познакомились довольно давно. Кстати, интересная история, я тебе не рассказывала? Это

было... — Мария закатила глаза. — О боже, лет двадцать уже прошло — выговорить страшно! Я тогда с вечернего спектакля возвращалась, ну, и пристал ко мне какой-то подвыпивший тип. Причем настроен был очень агрессивно! Я уже не знала, как от него отделаться, и, как назло, на улице никого! Тут вдруг останавливается машина, из нее выходит мужчина и решительно направляется ко мне. Берет за руку и ведет к своему автомобилю. Тот мужик начал возникать, так он ему разок двинул под дых, тот и умолк.

— И что? — хмыкнул Гуров. Он никогда не слышал от жены этой истории.

— Ничего. Довез меня до дома, пожелал удачи и посоветовал не ходить одной по темным улицам.

— Надо же, у тебя, оказывается, все эти годы был тайный поклонник! — с притворным восхищением воскликнул Лев.

— Гуров! Он был с женой! Как раз вот с Маргаритой. Так получилось, что мы стали общаться. С ней, я имею в виду, а не с ним.

— А почему ты меня с ними никогда не знакомила?

— Потому что люди слишком разные. Вы бы точно не нашли общего языка. Он бизнесмен, у него своя риелторская контора, кажется. Словом, тебе бы это было неинтересно. ■

Да и Маргариту, если честно, я не могу назвать подругой. Скорее она ко мне тянулась, чем я к ней. Думаю, ей, во-первых, льстило знакомство с актрисой, а во-вторых, просто было скучно. Она приходила на мои спектакли, потом мы с ней иногда сидели вместе в кафе, болтали ни о чем. И вдруг сегодня она делится со мной таким откровением! Видно, действительно здорово переживает.

— Ну, люди взрослые, сами разберутся, — подвел итог Гуров.

— Да, наверное, — согласилась Мария. — Слушай, а где у нас чай?

На следующий день в главке все сияло. Офицеры и младший состав ходили по струнке, в парадной форме, начищенные и прямые, будто проглотили метровую деревянную линейку, и готовые отдать честь в любой момент. Генерал-лейтенант Орлов периодически совершал вылазки из своего кабинета, прохаживался по коридору и постоянно, со стариковской занудной кропотливостью, выискивал все новые огрехи — по сути своей ничтожные, но ему казавшиеся верхом безобразия. То ему мерещилось, что на полу, если посмотреть под определенным углом, блестят полосы от не слишком тщательно вытертого пола, то воротничок кого-нибудь из сотрудников выглядел

не слишком жестким, то лишняя пуговица на рубашке была расстегнута...

Заметив «нарушение», Орлов немедленно останавливался и долго распекал проштрафившегося, требуя немедленного устранения недостатка. При этом он постоянно поглядывал на часы. Ситуация осложнялась тем, что ему точно не сообщили не только время, но и дату, когда прибудет злополучная проверка, лишь намекнули, что «в ближайшее время», и посоветовали готовиться. По мнению всего главка, подготовлено и так все было на высшем уровне, и любые дополнения лишь портили дело и трепали нервы сотрудников. Но Орлова было не переубедить, настроение его стало почти параноидальным.

Гуров и Крячко благоразумно сидели в своем кабинете, стараясь лишний раз не попадаться генералу на глаза, и откровенно бездельничали. Они даже не пошли на обед, подкрепившись предусмотрительно захваченными из дома бутербродами, к которым Станислав присовокупил еще и испеченные женой пирожки. Сытый и довольный, Крячко читал газету «Спорт-экспресс», попивая кока-колу из большой бутылки. Потом он принялся разгадывать кроссворд в старой «Комсомолке», Гуров же залез в Интернет и просматривал разные интересные сайты, на которые раньше

вечно не хватало времени. К примеру, нашел статью «100 любопытных фактов из жизни великих людей» и с головой погрузился в нее.

— Химическое вещество, четыре буквы! — громко произнес Крячко из своего угла.

Лев не отреагировал, увлеченный чтением подробностей жизни Чарли Чаплина, с удивлением отмечая, что играть в театре великий актер начал в четырнадцать лет, а читать научился только в шестнадцать...

— На «а» заканчивается! — повысив голос, попытался привлечь внимание к своей персоне Крячко.

— Кола, — не отрываясь от чтения, бросил Гуров, чтобы Крячко отстал от него.

— Ко-ла, — по слогам повторил Стас, водя карандашным огрызком по клеткам. — Слушай, а я и не сообразил, что так просто! — воскликнул он.

Спустя пару минут Крячко завозился на стуле и снова обратился к Гурову:

— Лева, а ты уверен насчет колы?

— Насчет какой колы? — оторвался тот от экрана.

— Насчет химического вещества! У меня по вертикали на «с» должно начинаться, а тут «к»!

— Чего? — Гуров откинулся на спинку стула и расхохотался: — Ты что, всерьез, что ли, «кола» написал?

— Ну да, а что? — пожал плечами Крячко.

— Сотри, Станислав, — отсмеявшись, посоветовал Гуров. — Я пошутил.

— Ну, елы-палы! Лева, я к тебе как к другу, а ты! Дело ж серьезное! Чем я сотру, у меня резинки нет?

Гуров не успел ответить — у него зазвонил сотовый. Это была Мария.

— Да, Машенька, — ответил он, несколько удивленный: обычно жена не звонила ему на службу, тем более под вечер, когда готовилась к спектаклю.

— Слушай, Гуров... — Голос ее звучал немного неуверенно. — Тут такое дело... Помнишь, я тебе рассказывала вчера про семью Водопьяновых?

— Нет, не помню, — искренне ответил Гуров.

— Ну как же! Алексей и Маргарита. Мы с ней вчера встречались!

— А, ну да, — слегка поморщился Гуров, поскольку эта чета интуитивно не слишком ему нравилась, даже заочно. — И что?

— Слушай, тут такое произошло... — Мария перешла на шепот: — В общем, Алексей умер.

— И что? — повторил Гуров, никак не беря в толк, какое это имеет отношение к нему.

— Его убили. Убили на собственной даче. Маргарита позвонила мне в истерике. Она просит помочь.

— Кого? Тебя? Чем? — коротко задал Гуров сразу три вопроса.

— Нет, она... Она хочет, чтобы ты помог.

— А с чего она взяла, что я могу помочь? — еще больше удивился Гуров. — И чем? Воскресить ее мужа? Я, знаешь ли, не Христос.

— Нет, это я ей рассказывала, что у меня муж работает на Петровке, — виноватым голосом продолжала Мария. — Но я же не знала, что ей понадобится... Просто не делала из этого тайны!

— Слушай, Маша, я так и не понял, что конкретно ты хочешь?

Мария выдохнула, как водолаз перед погружением на глубину, и проговорила:

— Она просит тебя расследовать это дело.

— Где его убили?

— На даче. Это по Дмитровскому шоссе на...

— Исключено, — перебил ее Гуров. — Не мой курятник. В смысле, я хотел сказать, не наш район, и вообще это дело Следственного комитета. Они и будут расследовать скорее всего.

— Да, там уже побывала полиция, и как раз вот это обстоятельство и напрягает Маргариту. По ее словам, они вели себя нагло, бесцеремонно, разговаривали очень пренебрежительно, в таком тоне, будто подозревают всю семью, включая детей! И ей бы хотелось...

— Машенька! — снова перебил жену Гу-
ров. — Людям всегда кажется, что полиция
ведет себя бесцеремонно, недостаточно де-
ликатно и все такое. Уверяю тебя, я себя веду
точно так же. Это издержки профессии, по-
нимаешь?

— Понимаю, но все же ей бы хотелось,
чтобы этим делом занялся кто-то свой. Что-
бы действительно нашел убийцу, а не хватал
того, кого удобно.

— Слушай, это не имеет значения, чего бы
ей хотелось! — начал злиться Лев. — Дело ве-
дет другое ведомство, и я не могу просто так
забрать его себе, как понравившуюся игруш-
ку! Да и не хочу, честно говоря! И с каких пор
я стал для нее «своим»? Я ее даже никогда не
видел! И не имею желания.

— Гуров, ну, я тебя прошу, про-шу! — почти
выкрикнула Мария. — По-моему, я не часто
это делаю!

Гуров подавил вздох. Мария и впрямь
практически никогда не вмешивалась в его
служебные дела и уж тем более не просила
«по дружбе» расследовать уголовные пре-
ступления для ее подруг и знакомых. Она
вообще была очень адекватным человеком,
резво смотрящим на мир и готовым в слу-
чае необходимости произнести решительное
«нет» без того, чтобы потом мучиться угры-

зениями совести. Но почему-то сейчас очень просила...

«Ей так дорога эта Маргарита? — с недоумением подумал Гуров. — Которая даже ни разу не была у нас дома?»

Но он догадывался, что дело в другом. Мария была очень благодарным человеком. Это не проявлялось у нее в бесконечных словесных расшаркиваниях и постоянных «спасибо-спасибо». На чью-то проявленную помощь она старалась отвечать делом, даже если от нее этого не требовали. Гуров отлично знал, что, получив помощи «на копейку», Мария потом возвращала «на рубль». По всей видимости, случай с Водопьяновыми был из этой категории. Помощь, полученная двадцать лет назад, сейчас не давала жене равнодушно пройти мимо.

— Лева... — совсем тихо произнесла Мария. — Лева, я прошу.

Услышав эту фразу, Гуров сдался. По имени жена называла его редко, только в самые проникновенные моменты, обычно ограничиваясь полушутливым свойским «Гуров». Это был их стиль общения, понятный и подходящий обоим. И сейчас он понимал, что, раз она обратилась к нему именно так, значит, эта просьба действительно важна для нее.

— Ну, хорошо, — с неохотой произнес он, — я готов ее просто выслушать. Просто

выслушать, понимаешь? — подчеркнул он. — Никаких обещаний, а тем более гарантий я ей давать не стану. И вообще, может быть, там никакое не убийство!

Последнюю фразу он произнес лишь для того, чтобы разрядить обстановку, так как понимал, что Следственный комитет не станет заниматься несчастными случаями. Гуров посмотрел на часы. Время близилось к пяти часам. Проверка сегодня уже вряд ли могла нагреть, но, если бы все же такое случилось, генерал-лейтенант Орлов был бы крайне недоволен, что один из его лучших сотрудников уехал за час до официального конца рабочего дня, непонятно куда — получается, по своим личным делам, ибо дела Водопьянова в Главном управлении МВД не было.

— Пусть приезжает ко мне в главк, — сказал он. — Но сразу предупреди, что никакого дела официально я заводить не буду.

— Спасибо, Лева! — проговорила Мария и отключила связь.

Гуров отодвинул телефон и посмотрел в окно.

— Лева, только не говори мне, что собираешься уехать с женой в срочное путешествие и оставить меня одного на съедение этой злостной комиссии! — перехватив его взгляд, встревожился Крячко.

— Нет, Стас, — успокоил его Гуров. — Хотя я бы с удовольствием.

— А в чем дело-то? Это ведь Мария звонила?

— Мария, Мария, — рассеянно отозвался Лев, погружившийся в мысли о нежданно свалившемся на голову новом деле и размышляя, как бы разобраться с ним поскорее. — Стас, тут ко мне посетительница должна скоро прийти... Там у нее дело такое... немного щепетильное. А время к ужину подходит. Проверки нет, проход свободен. Может, ты...

— Понял, не дурак. — Крячко не надо было уговаривать отправиться в буфет. — Симпатичная? — подмигнул он Гурову уже от двери.

— Не знаю, — ответил Гуров. — Да и неинтересно.

— У-ух, старый ловелас! — погрозил ему пальцем Станислав, скрываясь за дверью.

ГЛАВА 2

Мargarита Николаевна оказалась достаточно симпатичной, хотя уже, увы, не слишком молодой, далеко за сорок. Печальные события последних суток не добавили ей красоты. Заплаканные глаза были запудрены, что не до конца скрывало их красноту, нос слегка припух, на губах блестела коричневатая помада.

Маргарита Николаевна вошла в кабинет Гурова в пальто горчичного цвета. Из-под черной шляпки выбивалась светлая прядь волос.

— Добрый вечер, — поздоровалась она, снимая шляпку. — Спасибо, что согласились принять.

— Проходите, — пригласил полковник.

Женщина подошла к столу и остановилась, комкая шляпу в руках.

— Вы, наверное, в курсе, что у меня случилось?

— Вы присаживайтесь, — указал Гуров на стул, — и расскажите все сами, с самого начала.

Водопьянова присела на краешек стула и бесцветным голосом, глядя в одну точку на стене, глухо произнесла:

— Мой муж был убит сегодня ночью...

— Где? — уточнил Гуров.

— На даче. У нас дача по Дмитровскому направлению.

— А что он там делал в начале весны?

— Он иногда ездит туда. Ездил... Например, когда нужно было поработать в одиночестве. Хоть у нас и большая квартира, но и народу тоже достаточно. Все-таки трое взрослых детей... А на даче спокойно, никто не мешает.

— То есть ваш муж поехал на дачу, чтобы поработать? — Гуров пока не стал говорить, ■

что, возможно, господин Водопьянов просто решил устроить на даче встречу с любовницей, о наличии которой он уже слышал от Марии.

— Не совсем так, — отозвалась Водопьянова. — Он планировал там встретиться со своим другом.

— Вот как? Зачем? Просто дружеская встреча?

— Нет, они вместе работают. У них фирма по продаже недвижимости, называется «Ваш дом». Они, можно так сказать, деловые партнеры. И начинали свой бизнес вместе. Они учились в одном институте.

— Как фамилия этого друга? — Гуров пододвинул к себе записную книжку.

— Бортников. Григорий Дмитриевич.

— А мужа как звали?

— Алексей Викторович. Водопьянов.

— Угу, — кивнул Гуров и что-то черкнул в своей книжке. — Это вам муж сказал, что собирается на дачу с другом?

— Да, Алексей. Он предупредил, что не приедет ночевать, останется на даче. Говорил, что у них появились некоторые проблемы в бизнесе, нужно спокойно все обсудить. Закончить должны были довольно поздно, добираться ночью в Москву ему не хотелось.

собирались не за чаем, а Алексей выпивши за руль никогда не садится. Не садился... — Она постоянно путалась в прошедшем и настоящем времени, никак не в силах осознать, что настоящее для ее мужа уже закончено.

— А Бортников тоже планировал остаться ночевать на даче?

— Нет, что вы! Гриша однозначно собирался домой.

— И вернулся?

— Да. Еще ночью.

— Это он вам сказал?

— Я и сама знаю. Понимаете... Я... Мы... Давайте лучше я все по порядку расскажу, — разнервничалась отчего-то женщина и добавила: — Простите, здесь можно курить?

Курить в кабинете было крайне нежелательно в ожидании комиссии, но Гуров все же разрешил. Маргарита Николаевна достала тонкую сигарету и, прикурив от золоченой зажигалки, сделала несколько затяжек подряд.

— Утром Алексей не приехал, — продолжила она. — Я позвонила ему на сотовый, но трубку никто не брал. Потом набрала номер стационарного телефона на даче. Тоже никто не отвечал. Это меня уже насторожило...

— Почему? Ваш муж мог в это время вести машину и не ответить. А на даче было пусто, поэтому никто и не снял трубку.

— Алексей должен был приехать рано, понимаете? Он обещал, что в половине седьмого уже будет дома. Он вообще «жаворонок» по своему складу, к тому же по ранним улицам добраться гораздо проще. И потом, у нас с ним были дела. Намечалось одно торжественное мероприятие, он должен был все организовать — мы собирались в ресторан всей семьей. Он все не ехал и не ехал... К тому же доехать оттуда можно меньше чем за час, а он опаздывал уже на два... — Голос Водопьяновой дрогнул, и она, едва докурив сигарету, взялась за следующую.

— Хорошо, что было дальше?

— Я позвонила Грише. Он сказал, что уехал около полуночи. Алексей остался один. Он меня успокаивал, как мог, говорил, что я зря нагнетаю обстановку, что Алексей был в полном порядке, когда они расстались, но я прямо чувствовала, что случилось что-то неладное! — Маргарита прижала руки к груди. Она хотела продолжить, но вдруг замялась и вновь принялась теревить шляпку, которая теперь лежала у нее на коленях. — В общем, спустя некоторое время я отважилась даже на... не совсем достойный поступок.

Она отвела глаза в сторону, и Гуров понял, что женщина имеет в виду и как нелегко дается ей эта тема.

— Вы подумали о другой женщине? — пришел он ей на помощь.

— Да! Не только подумала, я знала о ней! Мне известно, что Алексей завел любовницу. И я... В общем, я позвонила ей...

— Вам известен ее сотовый? — спросил Гуров, решив, что обманутая жена подсмотрела его в телефоне мужа. Однако она ответила:

— Нет. Но мне известно, где она живет.

— То есть вы следили за своим мужем, — сделал вывод полковник и снова ошибся.

— Нет, не следила. — Маргарита Николаевна подняла голову и посмотрела прямо в глаза Гурову: — Просто это наша квартира.

— Вот как? — Брови Гурова поднялись. — Ваша собственность?

— Нет, не совсем так. Квартира изначально принадлежала Алексею. Но потом... Господи, давайте я уже расскажу про эту девицу, чтобы больше не возвращаться к ней! — перешла на крик Водопьянова.

— Хорошо, только покороче. Любовница подтвердила, что ваш муж у нее?

— Нет, она сказала, что вообще не встречалась в последние дни с Алексеем и о его поездке на дачу ничего не знает. Я уже разволновалась не на шутку, снова начала звонить Грише и буквально упростила его отвезти меня

в Лесное. Дело в том, что я машину не вожу, у меня плохое зрение

Гриша хоть неохотно, но согласился. Добрались мы быстро. Когда приехали, в окнах горел свет, и это меня поначалу даже обрадовало. Алексей любил, чтобы было очень светло, и дома всегда включали свет во всех комнатах. Но одновременно с этим я испугалась... Рванулась внутрь, Гриша за мной, а там...

Она закрыла лицо руками и разрыдалась. Гуров взял со стола Крячко недопитую бутылку колы и налил женщине в стакан. Та сделала несколько глотков, сморщилась — напиток был сильно газированным, — потом постаралась взять себя в руки и снова заговорила:

— Это было ужасно, просто ужасно! Он сидел на стуле, запрокинув голову, лицо багрово-синее... У него даже язык вывалился!

Маргарита Николаевна снова расплакалась, а Гуров, чертыхнувшись про себя, полез в стол за успокоительным. Для подобных случаев он всегда держал у себя нужные препараты. Дав ей сразу три таблетки валерьянки, он спросил, может, лучше отложить все до завтра или вообще до лучших времен, втайне надеясь, что «лучшие времена» так и не настанут: Маргарита Николаевна окунется в организацию похорон, а потом и вовсе забудет о своей

■ идее поиска убийцы. А там, гляди, все-таки

выяснится, что это и не убийство вовсе. На эту мысль Гурова натолкнуло описание вида покойного.

Однако Маргарита Николаевна решительно воспротивилась, сказав:

— Нет-нет, я в порядке. Простите меня. Это тогда я была близка к обмороку. Хорошо, что Гриша находился рядом, он меня сразу на стул усадил и тоже дал какие-то таблетки.

— Маргарита Николаевна, а вы уверены, что ваш муж был убит?

— Что вы имеете в виду? — округлила Водопьянова глаза.

— Ну, так может выглядеть человек, у которого случился удар. Или сердечный приступ.

— Да? Ну, если бы не веревка вокруг шеи, я бы, наверное, тоже так подумала, — с иронией усмехнулась Маргарита Николаевна.

— Что-что?

— У него вокруг шеи была затянута веревка, — пояснила она. — Его задушили, понимаете?

Гуров нахмурился. Дело оказалось хуже, чем он предполагал.

— Какая веревка? Что собой представляла? Вы рассмотрели?

— Обычная бельевая веревка. Совершенно обычная.

— И вы позвонили в полицию?

— Не я — Гриша позвонил. Он, конечно, тоже был в шоке, но все-таки соображал куда лучше меня. Полицию пришлось ждать минут сорок, все это время мы сидели в абсолютной тишине. Потом они приехали, все засняли, стали составлять протокол... даже отпечатки пальцев снимали, представляете? — эмоционально воскликнула Водопьянова.

Гуров кивнул, так как хорошо представлял себе порядок осмотра места происшествия.

— Долго все длилось? — спросил он.

— Не знаю, я потеряла счет времени. Мне казалось, что очень долго. Потом они уехали. Сказали, что будут разбираться, запретили уезжать из города, еще что-то говорили — ах, я не помню! У меня голова кругом идет!

— А Бортников? Его забрали?

— Гришу? — удивилась Маргарита Николаевна. — Нет. С какой стати? Вы же не думаете, что это он убил Алексея?

— Он был последним, кто видел его в живых, — заметил Гуров, — не считая убийцы, конечно. Он ведь был с вашим мужем ночью! Странно, что его не увезли для допроса. Кстати, а вы сами в Григории Бортникове абсолютно уверены?

— Вы о чем? О том, что это он задушил Алексея? Да что вы! Этого просто не может

быть! Они дружат много лет, у них общий бизнес, общие дела, общие проблемы...

«Вот именно, — подумал про себя полковник. — Общие проблемы, общие деньги. А теперь, возможно, эти деньги будут принадлежать Бортникову. Надо бы выяснить поподробнее об их совместных делах. Но только не у вдовы. Она, похоже, в курсе только в самых общих чертах. Муж вряд ли посвящал ее в подробности. Да и не производит она впечатления бизнес-леди, активно интересующейся делами мужа и оказывающей ему поддержку. Скорее «домашняя курица» — хорошенькая, немного наивная, не слишком в себе уверенная...»

— Эксперты говорили, во сколько наступила смерть? — спросил Лев.

— Да, они сказали, что около полуночи.

— А дактилоскопическая экспертиза что показала? Я имею в виду отпечатки пальцев.

— Ой, про это пока неизвестно, мне сказали, что будет готово через несколько дней, — виноватым тоном проговорила Маргарита.

— Следов пребывания кого-то постороннего не обнаружено? — перешел на привычный протокольный язык Гуров. — Помимо Бортникова? Ну, может быть, на столе что-то было?

— На столе стояла только бутылка вина, почти пустая, бокал... — принялась перечис-

лять Водопьянова. — Это они с Гришей выпивали немного. Закуска какая-то — колбаса, готовые салаты. И только одна тарелка.

— То есть все указывает на то, что, кроме них двоих, в тот вечер на даче никого не было? — скорее самому себе сказал Гуров.

— Ну да, — пожала плечами женщина. — Кому там еще быть?

— Но ведь кто-то убил вашего мужа, — напомнил Лев, — иначе бы вы и не обратились ко мне, верно?

— Да... Да, конечно. Потому я и пришла! — вдруг с жаром заговорила Водопьянова. — Понимаете, полиция стала расспрашивать про детей — где они были в ту ночь, что делали! Как будто дети могли его убить! И даже меня спрашивали! И я подумала, что они могут повесить это дело на кого-то из нас. Я видела в кино, как такое случается! Хватают первого попавшегося — и сажают! Чтобы раскрываемость повесить!

— Ну, это не совсем так, — поправил ее полковник, усмехаясь про себя такой непосредственности. — Делом занимается Следственный комитет?

— Да, кажется... Кажется, именно так.

— Фамилию следователя помните?

Водопьянова отрицательно замотала головой и покраснела. Гуров постарался

скрыть досаду. Похоже, от дамочки мало толку, и лучше бы побеседовать с Григорием Бортниковым. Полковника особенно интересовал вопрос: почему следователь не взял его с собой? Может быть, Бортников просто заплатил за свою свободу? Зная изнанку розыскной работы, он вполне это допускал. Единственное, что его смущало, — речь шла об убийстве. Столь серьезное дело так просто не замнешь, это не воришку-карманника отпустить за мелкую мзду. А если комитетчики действительно решили посадить кого-то другого, то, во-первых, кого? А во-вторых, это тоже не так просто. Да и сумма за подобный подлог должна быть о-о-очень внушительной. Вряд ли Бортников возил ее с собой наличными.

— Что вам известно о любовнице вашего мужа, Маргарита Николаевна? Мне важно знать все.

Водопьянова поджала губы и сухо произнесла:

— Молодая девица. Нахальная. Провинциалка. Откуда приехала — не знаю. Глупая, неряшливая, наглая...

Полковник и не ожидал услышать каких-то лестных слов в ее адрес, но кое-какие эпитеты его все же насторожили.

— То есть вы ее видели? — спросил он.

— Да, видела! — с легким вызовом ответила Маргарита. — В нашей квартире!

— Давайте все-таки разберемся — что значит «в нашей»? Квартира в вашей совместной с мужем собственности?

— Она была в собственности Алексея. Но он ее подарил Марине, это моя дочь от первого брака. Но переехать туда она должна была только после свадьбы, а пока жила с нами. Это удобно.

— Почему? Сколько ей лет?

— Двадцать шесть, — ответила Маргарита.

— Ну что ж, взрослая, самостоятельная женщина, — пожал плечами Гуров. — И ей удобно было жить с родителями, да еще с отчимом?

— Да, — твердо сказала Водопьянова. — Марину крайне нежелательно оставлять одну. И ее нельзя назвать самостоятельной. Дело в том, что она больна от рождения. У нее ДЦП — к счастью, в легкой форме. Плохо работает правая рука, и еще она подволакивает ногу. Но девочка очень умная, развитая, начитанная!

— Понятно, — остановил ее Гуров. — Давайте о любовнице и о квартире.

— Алексей сказал, что пока квартиру лучше сдавать и он сам все сделает. Никто не возражал, он же риелтор, ему просто все это

устроить. Через какое-то время сообщил, что нашел клиента, что сам с ним связывается, и регулярно передавал деньги Марине. Нам и в голову не могло прийти, что там было на самом деле! Пока однажды мне не понадобилось туда съездить.

— Зачем?

— Там... У меня кое-какие вещи, — уклончиво ответила Водопьянова, и Гуров понял, что она лукавит. Видимо, к тому моменту даже она почувствовала что-то неладное и решила проверить.

— В общем, открыла мне молодая девица, в коротком халате, ноги голые... Мне как-то сразу это не понравилось. Да и вела себя вызывающе — так, словно это она там хозяйка! Я прошла в кухню — мамочка моя! Там все грязью заляпано, на полу мусор, посуды полная раковина! Сама девица невоспитанная, я даже не знаю, откуда она приехала и где училась! Такое впечатление, что школу не окончила! Я, конечно, стала ей выговаривать за грязь, а она, знаете, подбоченилась да как закричит на меня в ответ! Дескать, это квартира Алексея, которую он предоставил в полное ее распоряжение! И он полностью доволен тем, как она ее содержит, так что мои претензии ее не волнуют! Представляете? Я даже спорить с ней не стала, меня аж затрясло всю! Я вызвала

такси и поехала домой. Едва дождалась прихода Алексея и с порога спросила, почему эта девица так себя ведет. Он обещал поговорить с ней, разобраться, но я чувствовала, что тут дело нечисто! Спросила его в лоб, кто она ему. Он, конечно, все отрицал, сказал, что просто клиентка, дочка какого-то его знакомого, но я не поверила в эту чушь! Я всех его знакомых знаю, и у них не могут быть такие дочки. Они все москвичи. — Маргарита Николаевна облизнула пересохшие губы и попросила налить ей еще колы. — В общем, я решила проследить за мужем и все увидела своими глазами! Он заехал за ней, и они вместе поехали в клуб. Он ее обнимал, она сидела рядом с ним на переднем сиденье. Мне этого было достаточно.

— И вы устроили скандал?

— Сначала хотела, — призналась Водопьянова, — но потом решила подумать. Понимаете, я стараюсь не действовать импульсивно. Мне нужно время, чтобы прийти в себя в подобных ситуациях. Я позвонила своей старшей сестре и поделилась с ней. Она мне тоже посоветовала молчать!

— Почему?

— А что я ему скажу? Убирайся вон, к своей этой? А он возьмет и уйдет! Ему под пятьдесят, самый возраст, когда бес в ребро! И детьми не удержишь, они уже взрослые. А если эта ма-

ленькая дрянь в него вцепилась из-за денег — а из-за чего еще! — то она только рада будет такому раскладу. И я должна так просто ей его отдать? Ну уж, нет! Мы прожили вместе двадцать лет. Двадцать! Это срок. Я предпочла ждать, когда он наиграется и одумается. Этот момент обязательно бы наступил, только нужно было время. Молодое тело, конечно, хорошо, только ведь надоедает. Да и он не молодеет, все эти постельные утехы постепенно сходят на нет.

— То есть вы избрали позицию так называемой мудрой жены, — с легкой иронией произнес Гуров, — которая знает об изменах мужа и молчит, терпеливо дожидаясь, чем все закончится.

— Можно сказать и так, — серьезно кивнула Водопьянова.

— Скажите, Маргарита Николаевна, — резко сменил полковник тему разговора, — а ваш муж оставил завещание?

— Да, оставил.

— Когда оно было составлено?

— Три года назад, после совершеннолетия Кристины. Это наша младшая дочка, общая.

— И как поделены средства?

— Ну... — Водопьянова закатила глаза. — Квартира, разумеется, остается мне. Плюс еще часть денег. Остальные деньги делятся между детьми.

— Поровну? — уточнил Гуров.

— Нет, Марине меньше, потому что ей остается та самая квартира.

— А вы уверены, что ваш муж ничего не собирался оставлять своей любовнице? — задал Гуров неприятный вопрос.

— Сначала я тоже этого испугалась, — призналась Водопьянова. — Но нотариус, которая оформляла завещание, меня успокоила. Мы с ней знакомы давно, и она мне по секрету сообщила, что Алексей не составлял нового завещания. Так что все оставалось по-прежнему.

«А она не такая курица, как кажется, — отметил Гуров. — По крайней мере, в вопросе денег. Своего не отдаст!»

— Значит, у вас трое детей — Марина, Кристина и...

— И сын Костя, — ответила Водопьянова. — Марина и Костик у меня от первого брака, один за другим родились. С их отцом мы давно развелись, совсем молодыми.

— Я смотрю, Алексей Викторович относился к вашим детям как к родным, — заметил Гуров.

— Да, он в этом отношении был очень порядочным человеком. Особенно когда речь шла о Марине. Он ее жалел, старался как-то компенсировать ее увечье. Она росла нервной, неуверенной в себе девочкой. Почему-

то считала, что ее никто не любит, хотя мы старались всячески показать ей свою любовь. Я думаю, тут руку приложил мой бывший! — с горечью произнесла Маргарита.

— А в чем это выразилось?

— Да это так давно было, что уже не имеет никакого значения!

— И все же расскажите, — попросил Лев.

— Ну ладно. Мой бывший муж — человек крайне эгоистичный. Его зовут Геннадий. Родители его сильно избаловали, вырастили тунеядца. Работать он не хотел категорически, мы постоянно считали копейки, потому что я сидела с двумя детьми. Денег, подаренных на свадьбу, я даже не увидела! Он их вмиг спустил непонятно на что. При этом и с детьми мне не помогал. Жил сам по себе, одним днем. Порхал, как бабочка! Дети его раздражали, особенно когда плакали по ночам. Я, конечно, высказывала свое недовольство. А он сделал вид, что обиделся, и вернулся к родителям. Сел им на шею и успокоился. Там у него мама не совсем... адекватная. Все сыночку прощает, прыгает вокруг него. Мужуку под пятьдесят, а она его на свою пенсию содержит! Одно время даже повадилась звонить мне и говорить, что, дескать, это я виновата, не удержала мужа, поэтому он и ушел. А Марина почему-то вбила себе в голову, что это

из-за нее он ушел. В смысле из-за больного ребенка в семье.

— То есть вы не общаетесь с бывшим мужем?

— Я? Нет, конечно!

— И с детьми он не встречается?

— Нет. Они Алексея отцом считают. Правда, Геннадий приходил несколько раз... Но не к детям, ко мне.

— Вот как? Интересовался вами?

— Ага, сейчас! — усмехнулась Водопьянова. — Денег он приходил клянчить! Поначалу, когда узнал, что я замуж вышла, носа не показывал — он вообще трусливый, Алексея откровенно побаивался. А потом, видно, приперло его, он и заявился. Пожаловался на плохое материальное положение — ну, оно всю жизнь у него плохое. Мама болеет, то да се... Я, признаться, пожалела и дала ему денег. Алексею не стала рассказывать. А потом Геннадий снова пришел — понравилось, наверное. Алексей как раз дома был. Так он его просто с лестницы спустил, когда узнал, что тот денег просит. Мне пришлось рассказать, что это уже не первый раз. У нас даже скандал вышел. Алексей меня ругал, говорил, что Генка просто меня использует, все такое. В сущности, он был прав, конечно, я сама понимаю... Просто у меня характер такой... Нетвердый. ■ Порой даже безвольный. Я вообще конфлик-

тов не люблю, в спорах скорее соглашаюсь, чтобы отношения не портить... Это не всегда хорошо, конечно, но что делать? Такая уж я родилась, а в сорок пять лет меняться трудно...

— А как вы познакомились со вторым мужем?

— Через Гришу Бортникова. Я врач-стоматолог, лечила зубы его жене, ее зовут Наталья. Правда, я давно не работаю, а тогда принимала на дому клиентов — деньги-то были ой как нужны! Все Наталье залечила, ей понравилось, она сказала, что у них есть знакомый, которому тоже нужна стоматологическая помощь, но он ужасно боится идти в поликлинику. — Маргарита улыбнулась. — В общем, через два месяца мы поженились. Материально сразу стало гораздо лучше, я даже смогла няню нанять, а то приходилось постоянно к Ольге обращаться.

— Ольга — это кто?

— Старшая сестра. Она одинокая, бездетная. С моими детьми с удовольствием нянчилась.

— Она живет отдельно от вас?

— Да, у нее квартира, которая ей от бабушки досталась. А мне — родительская, после того как они умерли. Алексей сперва хотел наши квартиры обменять на одну большую, но я почему-то отказалась, и мы жили

у меня, а квартиру Алексея сдавали. А потом его бизнес пошел в гору, и мы уже смогли купить новую квартиру в элитном доме. А свою Алексей, как я уже говорила, завещал Марине. Он их с Костей даже усыновил сразу после свадьбы. Потом у нас родилась Кристина. Ей сейчас девятнадцать.

— А чем занимаются дети?

— Марина работает в библиотеке, она же мало что может, сами понимаете... Костя заканчивает медицинский — как и я. Кристина в экономическом учится. Она, наверное, в отца пошла.

— А отношения в вашей семье какие были? Между детьми, между ними и вашим мужем?

— Между детьми все прекрасно, они очень дружат. В отношениях с Алексеем тоже никаких проблем не было, я же говорю — он их сразу усыновил и никогда не делил детей на своих и чужих — все родные были. Костя вообще к нему тянулся, мальчишки же больше в отце нуждаются.

— Маргарита Николаевна, а как вы сами думаете, в чем причина, что после стольких лет счастливого брака ваш муж завел любовницу? — осторожно, стараясь подобрать слова, спросил Гуров.

— В мужчинах, — помрачнела Водопьянова. И, видя непонимающий взгляд полков-